

Дорогие Друзья,

Для меня, большая честь, быть приглашенным с публичной лекцией на тему "Текущие перспективы улучшения Западно-Восточных отношений - Анализ бывшего Западного дипломата" в Государственном Музее Современной Истории России.

Это прекрасное здание на Тверской 21 (двадцать один), до 1917 (тысяча девятьсот семнадцатого года) года было местом заседания Английского Клуба, наиболее эксклюзивного Московского Клуба. Мне нравится думать, что в Золотые годы, до того как война ворвалась в страну, два моих литературных героя, Борис Пастернак и Роберт Брюс Локхарт, могли посещать старый Английский Клуб, для игры в карты или посещать балы, как молодые жители столицы. И в более раннее время, Лев Толстой мог навещать клуб.

Тема моей лекции требует некоторого объяснения и контекста. И я хотел бы предупредить Вас – пожалуйста, не ожидайте сегодня от меня академической научной лекции. Мой стиль будет масштабный, философский, неупорядоченный, в духе моей только вышедшей книги «Возвращение в Москву». 'Return to Moscow'.

Во время моего первого международного назначения в Роли Австралийского дипломата с 1969 (шестьдесят девятого) по 1971 (семьдесят первый), я провел два очень особенных года в Москве. Я был младшим дипломатом в очень немногочисленном Австралийском Посольстве. Посольство находилось недалеко отсюда, в привлекательном маленьком особняке, по адресу Кропоткинский переулок, 13 (тринадцать).

Моя молодая семья и я жили в гораздо менее привлекательном жилищном комплексе, постоянно наблюдаемым охраной, на Кутузовском Проспекте. Это был апогей Холодной Войны. С двух сторон, существовали огромные препятствия к нормальным официальным или просто человеческим отношениям дипломатов с простыми горожанами.

Мы не развивали дипломатические отношения. Мы созерцали Брежневскую Москву как настороженные обыватели, через непроницаемое стекло. Во многих отношениях, мы были на передовой позиции на территории врага.

Наши дипломатические обязанности были несложными. Не было почти никакого обсуждения Российско-Австралийской политики, торговых переговоров, или культурного обмена. Мы обменивались Кремлевскими слухами с коллегами из других Посольств Западного лагеря. Мы пытались быть в курсе того, что происходит: в Западно-Восточных отношениях, в Хельсинском процессе потепления, в отношении к диссидентам Солженицыну и Сахарову, в отношении «Отказников» - Советских евреев желающих покинуть Советский Союз.

Советская Система казалась нерушимой, защищаемая политикой взаимного ядерного сдерживания. Никто из нас не ожидал скорого окончания этого. Мы недооценили как скоро революция информационных технологий, магнетизм Западного потребительства, и обязательства по Хельсинским соглашениям, поколеблют самоуверенность Советской Системы.

В следующие 26 (двадцать шесть) лет я развивал свою карьеру Австралийского дипломата и аналитика. Я совершил краткий визит в Москву снова в 1985 (восемьдесят пятом) году, вызванный похоронами Константина Черненко. Михаил Горбачев произвел сильное впечатление на нашу делегацию. Но мы также заметили как Советская система проявляет знаки стагнации и даже истощения.

Я вернулся обратно, снова, в 1990 (девяностом) году, на международную дипломатическую конференцию во Владивостоке. Это был очень грустный опыт. Советская Система проявляла безошибочные симптомы распада, потери веры в себя. Тихоокеанский флот ржавел на своих причалах. Я помню хорошо – не было топлива отвезти нас обратно в Москву!

Я не возвращался снова в Москву в течении моей дипломатической карьеры, которая завершилась в 1998 (девяносто восьмом) году, после назначений Послом Австралии в Польше 1991 (с девяносто первого) – 1994 (по девяносто четвертый) и Камбодже 1994 (с девяносто четвертого) – 1997 (по девяносто седьмой).

Перед этим, с позиции главы Департамента Политического Планирования в Австралийском Министерстве Иностранных Дел в Канберре, я был свидетелем больших исторических перемен: периода Горбачевской Перестройки и Реформы гласности, и свободной ликвидации Варшавского Договора. Я видел высшую дипломатию Рейгана – Горбачева и Джорджа Буша – Горбачева, которая, как мы надеялись – навсегда, положила конец Холодной Войне.

С позиции Австралийского Посла в Польше в 1991 (девяносто первом) году, я видел неудачную попытку государственного переворота в Москве в августе 1991 (девяносто первого); восхождение ко власти Бориса Ельцина как Президента новой некоммунистической страны, теперь называющейся Российской Федерация ; и полный распад Советского Союза и отставку Горбачева 31 (тридцать первого) декабря 1991 (девяносто первого) года.

По меньшей мере, целую декаду после этого, Россия переживала труднейшие экономические условия и социальные изменения, вызванные переходом от коммунистической системы к рыночному обществу и рыночной экономике.

Россия не играла видной роли на мировой арене. Россия беспомощно наблюдала, как Югославия была разделена на части; как Украина, вторая после России главная наследница Советского Союза , была на грани краха, повязла в коррупции, и была не способна выбрать свое собственное политическое направление. В то время Запад под Американским руководством переживал исторический момент триумфальной односторонней власти.

В 2001 (две тысяча первом) году все это стало меняться. Фундаментальный Исламский терроризм, который Запад сам наивно подпитывал в Афганистане, трагически атаковал Мировой Торговый Центр. Эта трагедия драматически бросила вызов Западным убеждениям, о стабильном либеральном мировом порядке, служащим Западным интересам и ценностям, и поддерживаемый глобальной Американской властью.

Китай начал свой долгий марш на пути становления лидером в мировой экономике и политике. И Россия, под руководством, компетентного ясно-мыслящего Владимира Путина, начала воссоздавать свою власть, веру и гордость в себя.

В течении моей дипломатической карьеры, я всегда лояльно придерживался основной политической линии. Моей привычкой не было слишком много критиковать политику моих руководителей. Я вышел на пенсию в 1998 (девяносто восьмом) году, еще молодым, в 55 (пятьдесят пять) лет.

Я стал думать о мире и мировом порядке независимо от политической линии. Я стал независимым политическим аналитиком. Это по началу был пугающий, но в последствии раскрепощающий опыт. Однако, до этого, я многому научился из своего последнего драматического назначения Послом Австралии в Камбодже с 1994 (девяносто четвертого) по 1997 (девяносто седьмой) год. Позвольте мне рассказать Вам эту историю.

**

Австралия была главным игроком в переговорах по Парижским мирным соглашениям ООН, которые закончили бы годы гражданской войны в Камбодже, и основали бы Временный Орган Организации Объединенных Наций (ЮНТАК) в Камбодже, в 1991 (девяносто первом) году. В 1993 (девяносто третьем) году ЮНТАК сменился чудовищным двуглавым суверенным Камбоджийским правительством, с двумя премьер-министрами, Хун Сеном и принцем Ранариддом, каждый со своими повестками дня, партиями и армиями.

Это неустойчивое равновесие не могло продолжаться долго. Ранаридд начал кооперироваться со все еще опасными повстанцами «красных кхмеров». Они продолжали угрожать большей части Камбоджи со своих баз в отдаленных районах гор и джунглей на границе с Таиландом.

Запад и Китай помогали «красным кхмерам» оставаться сильными в военном отношении даже после вторжения Вьетнамских сил в 1978 (семьдесят восьмом) году, которые свергнули жестокий режим в Пномпене. Запад впоследствии сыграл циничный эндшпиль «Холодной Войны», с целью ослабления оставшихся азиатских Союзников России, Вьетнама и его протееже Камбоджи. По приказу Маргарет Тэтчер, к позору Британии, британский спецназ SAS тренировал «красных кхмеров» в текущих боевых действиях.

Западные власти ожидали, что партия Хун Сена просто исчезнет, потеряв власть, также, как и Коммунистические Партии потеряли власть в Восточной Европе. Этого не произошло.

В июне 1997 (девяносто седьмого) года снова началась гражданская война между силами, лояльными Ранаридду и Хун Сену. Я посоветовал моему правительству признать реальность, что сторона Хун Сена имела большую силу и легитимность прийти к правлению. Мой совет был принят. Возможно, это был первый и последний раз, когда я инициировал политику.

Необычно, но Американский, Британский и Французский послы в Пномпене придерживались того же реалистического взгляда, что и я. Мы доминировали над сильными идеологическими лоббистами против Хун Сена в наших столицах. Факты одержали победу над предрассудками и дезинформацией.

В начале моего назначения в Камбоджу, пожилой Австралийский бизнесмен, который жил тогда в Пномпене, торговец Австралийскими продуктами и вином, дал мне хороший совет, чью мудрость я смог полностью оценить, только гораздо позже:

«Никогда не забывай, Тони, что мы только гости в этой стране, и мы должны всегда уважать наших Камбоджийских хозяев».

В то время, мой министр иностранных дел, Гарет Эванс, стремился привнести Западную демократию и права человека, о которых он думал, главным образом, в терминах свободы прессы и наличия оппозиционных партий. Мне было поручено сделать сильную речь, подтверждающую эти ценности. Я открыл субсидируемую учебную программу помощи для Пномпенского университета. Наказание было быстрым. Оно приняло форму шумной враждебной демонстрации, ранним утром в воскресенье, перед моей резиденцией. На следующий день, Пномпень был наводнен копиями бесплатной желтой газеты, которая была на английском и камбоджийском языках, называемой 'Forget News', «Новости, которые надо забыть».

Эта желтая газета содержала грубые статьи и непристойные шаржи, в которых говорилось о сексуальных преступлениях и проступках Австралийского Министра Гарета Эванса, моего Посла-предшественника, и меня.

Хун Сен четко дал понять свое мнение о свободе прессы.

Хун Сен все еще находится у власти в Камбодже 22 (двадцать два) года спустя, сильно поддерживаемый, как Китаем, так и Вьетнамом. Он менее склонен, чем когда-либо, прислушиваться к Западным лекциям по правам человека.

Это был очень полезный ранний урок о силе суверенных государств в защите своего суверенитета: особенно если они решительны и разгневаны, и успешны в выборе надежных

союзников. Печальные судьбы Саддама и Каддафи, и более положительные результаты для Президента Асада в Сирии, предлагают очевидные параллели с моим Камбоджийским опытом.

**

После Второй войны в Абхазии в 2008 (восьмом) году, смерти Магнитского в тюрьме в 2009 (девятом) году, и последующих санкций США в 2012 (двенадцатом) году, я стал снова более внимательно следить за событиями в отношениях России и Запада.

Еще до начала вооруженного Анти-Сирийского мятежа в 2011 (одиннадцатом) году, и драматического и зловещего противостояния на Майдане на Украине в феврале 2014 (четырнадцатого) года, я пришел к выводу, что большинство западных историй о России и ее лидере Путине, не звучало полностью верно.

По мере того, как Путин и его нация становились сильнее и увереннее, неодобрение Западом нарастало. В частности: после Крымского референдума поддержавшего воссоединение с Россией в марте 2014 (четырнадцатого) года; после массового военного нападения Киева на восточные провинции, начатого в апреле 2014 (четырнадцатого) года; и после необъяснимого поражения международного гражданского авиалайнера МН17 (мэйч семнадцать) над Восточной Украиной в июле 2014 (четырнадцатого) года - я понял, что должен прислушиваться к своему голосу.

Я начал снова думать о том, чтобы снова увидеть Россию, и уже самостоятельно судить о том, что там происходит.

Сам не осознавая, я провел годы - фактически, десятилетия – под сильнейшим антирусским давлением Холодной Войны. Первые шаги были самыми сложными. Я помню чувство почти предательства, нелояльности к моей стране, когда я впервые начал читать русские сайты информационных агентств, таких как rt.com, и когда я начал следить за блестящими еженедельными отчетами МИДа Марии Захаровой на mid.ru.

Я также стал более открытым к комментариям западных диссидентских журналистов - таких людей, как Роберт Фиск и Сеймур Херш, и Австралийских журналистов, таких как Джон Пилджер и Джулиан Ассанж. Интернет дал мне свободу читать такие материалы.

Насколько я могу судить, это был самостоятельно-инициируемый процесс. Я не помню, чтобы кто-либо призывал или подталкивал меня искать Российскую точку зрения. Как говорится в известной американской пословице, я был «атакован реальностью» 'mugged by reality'. Так многое из того, что я читал и анализировал из этих новых незнакомых прежде источников, имело смысл.

Я перешел к альтернативному мировоззрению. Как только кто-то начинает этот путь, трудно остановиться посередине, и оставаться «беспристрастным дипломатом» 'evenhanded diplomat', (что значит, «с одной стороны ... с другой стороны»), 'on the one hand .. on the other hand', которым я так долго раньше был.

Нужно было выбирать, кому верить.

Я знал еще до того, как я поехал в Россию в январе 2016 (шестнадцатого) года, на 4 (четыре) недели независимых путешествий, что я найду некоторые вещи, которые мне понравятся в этой стране. Но то, к чему я не был готов, было то, насколько комфортно - в целом - я чувствовал себя в России. Я ожидал найти там вещи, которые мне не понравятся.

Но приехав в Россию в 2016 (шестнадцатом) году, я понял, что я больше не могу честно испытывать негативные чувства. Как Роберт Брюс Локхарт в 1912 (тысяча девятьсот двенадцатом) году, и, как и мой коллега по Посольству Лори Мэтсон в 1969-71 (шестьдесят девятых – семьдесят первых) годах, о котором я пишу в своей книге, я понял, что я истинно влюблен в Россию.

В зрелом возрасте 72 (семидесяти двух лет), было особенным и освобождающим чувством.

В моих коротких встречах два года назад с несколькими экспатами с Запада в Москве, некоторые из них все еще находились в ловушке презрения и снисходительности к России. Я обнаружил, что я раздражен их превосходством и негативностью к России, их почти отчаянной

уверенностью в том, что они держатся за «объективные» Западные взгляды на Россию. Я не должен был быть так критичен - им нужно было придерживаться этой точки зрения, чтобы сохранять смысл в своей работе.

Их отношение очень мало отличалось от того пузыря «холодной войны», в котором мы все жили годы назад в Советской Москве: ложная вера в то, что за пределами наших маленьких западных анклавов, все было бедно и нечестно.

Однако, я нашел в моем посещении в 2016 (шестнадцатом) году и снова сейчас, новую Россию, яркую молодую страну со своими ценностями - некоторыми советскими, некоторыми досоветскими и некоторыми совершенно новыми. Но многие из моих бывших коллег, похоже, не способны увидеть этого: им, кажется, необходимым видеть современную Россию через критический негативный объектив Советского наследника.

С тех пор я узнал о важности «знаков», 'signifiers', в разговоре и в письме в вопросах, связанных с Россией. Здесь мое раннее обучение переводу Советских статей сыграло добрую роль. Я узнал из изучения советской прессы: журналисты были обязаны включать ритуальные фразы, осуждающие Запад, заверив редакторов и читателей своей идеологической надёжности, прежде чем писать интересные и, возможно, истинные комментарии. Мы научились фильтровать такие фразы, как необходимые идеологические знаки.

Точно так же и на Западе теперь. Если западная статья о России не написана очевидным языком, осуждающим и представляющим Путина вором / коррумпированным спекулянтом / хулиганом, то вряд ли такая статья будет опубликована в главных Западных средствах массовой информации - или даже на либеральных интеллектуальных сайтах.

Я не вижу в этом заговора. Много Западных аналитиков и журналистов сделали такие искажения Российской реальности настолько естественными для своего сознания, что сами уже бессознательно принимают это за реальность. И иногда они даже раздражены, когда я указываю им на это.

Другое дело: в отличии от Китая или Индии, или Японии, или Исламского мира, которые имеют явно видимые расхождения в системе ценностей, Россия на поверхности выглядит как Запад.

Но Россия шокирует и пугает в тех областях, где она явно отличается от Запада. Труднее понять и уважать различия, когда кто-то кажется таким близким. Вот почему самые ожесточенные ссоры - это ссоры в семьях, когда считается, что поведение члена семьи подвело целую семью или род. Россия является почти частью Западноевропейской семьи общих ценностей - но не совсем.

Я хотел описать все это в своей книге. Исследовать, почему Россия вызывает такие сильные чувства притяжения и страха на Западе. Россия вызывала такие же чувства задолго до Коммунизма.

Как человек, который уже в зрелом возрасте полюбил Россию, я хотел попытаться донести до моих Западных коллег, почему эта страна заслуживает того, чтобы ее понимали и уважали за то, чем она является сейчас. Эту страну не надо учить, бояться или смеяться над ней.

Когда я решил поехать в Россию, чтобы написать такую книгу, я нашел издателя, разделяющего мои взгляды и намерения - Терри-Энн Уайт, директора издательства Университета Западной Австралии, человека известного своей открытостью.

Я не хотел писать политический курс. Сначала я подумал, что это будет книга из двух частей: мои воспоминания о старой Советской России - и сходства и контрасты с тем, что я нашел в современной России. Я разработал независимый четырехнедельный маршрут, чтобы найти некоторые из важных культурных ориентиров, которые, как мне кажется, сильно влияют на современную российскую идентичность. Вы увидите в заголовках глав обширную историю и идеи, которые я попытался охватить своей книгой.

Короткая заключительная часть книги, это политическая секция, критикующая нынешнюю западную информационную войну против России.

Но я надеюсь, что читатели получат удовольствие от значительно большей второй части книги, в которой я обсуждаю то, что я узнал в своих путешествиях, об истории, культуре и ценностях России.

Я хотел показать своим читателям, что, хотя Россия во многих отношениях не Европа, такие различия не обязательно означают отсталость или склонность к деспотизму в России. Эти различия имеют веские основания существовать как независимые национальные системы ценностей.

Как только я ясно осознал это направление мыслей, многие вещи начали складываться вместе. Я видел Россию через новые линзы: романы Джон Ле Карре; Пастернака и Живаго; Толстого и осаду Севастополя; Сахарова; Гулаг; Русско-Еврейскую историю и отказников; даже Пушкина и Чайковского. Все стало выглядеть немного по-другому.

Я надеюсь в какой-то мере, что я начал видеть Россию, как многие образованные русские видят Россию. Не то маленькое меньшинство, которое думает, что на Западе почти все лучше - у каждого общества, по плохим или хорошим причинам, есть такие люди, - но люди с природной и сохраненной гордостью за свою страну.

Однако мне пришлось заплатить личную цену за это. Я смог взять с собой не всех моих Западных коллег в свое философское путешествие. Некоторые из них находят мои новые взгляды весьма трудными для понимания.

Они не могут понимать и осознавать, насколько их взгляд на Россию и ее качество политического руководства подкрепляется бесконечным массовым натиском на них ложных данных. Я рассматриваю этот процесс как эхо-камеру, отражающую ложные идеи, и это гораздо хуже, чем пропаганда, потому что ее сторонники стали верить в эти идеи. Это само-подкрепляющий цикл. И это ведет к опасной политике.

Мне не повезло выпустить мою книгу именно во время роста предрассудков в главных странах для которых предназначается эта книга, США и Западной Европе, против России и ее политического руководства. Я знал, что моя книга была результатом интеллектуальных и моральных заслуг. Я надеялся, что ее успех в Австралии станет трамплином для поиска крупных издателей, которые переиздают книгу в США и Великобритании. Но, несмотря на хорошие продажи в Австралии - более 2000 (двух тысяч) экземпляров за первые 5 месяцев продаж, что считается очень высоким результатом, до сих пор не было явного интереса за пределами Австралии.

И даже в Австралии моя книга, изначально очень хорошо принятая, отчасти благодаря огромной лояльности и энергии, проявленными моими издателями UWA Publishing, стала сталкиваться с некоторыми странными препятствиями.

Поэтому я боюсь, что моя маленькая книга, чью миссию, я вижу, способствовать лучшему, более информированному общественному пониманию сегодняшней России на Западе, сама может стать жертвой возрождающейся холодной войны, которую мы все сейчас ощущаем.

Меня сейчас, некоторые в моей стране могут видеть «куклой Путина» 'Putin puppet', или «Кремлевским троллем» 'Kremlin troll'.

Я слишком стар и опытен в темной стороне культурной дипломатии, чтобы это меня беспокоило. Как Стивен Коэн в США, я буду продолжать решительно противостоять любой ситуации изолирования.

**

Поэтому, наконец, после этих длинных, но, я надеюсь, интересных личных экскурсов, я возвращаюсь к своей основной теме: текущие перспективы разрядки напряженности Западно-Восточных отношениях.

Когда я пишу это, они недостаточно позитивные. На самом деле, они сложные. На Западе, многие из нас потеряли наше историческое понимание ужаса сверхдержавой ядерной войны, если она когда-либо вспыхнет. Мы не думаем, об этих рисках как реальных, все это сейчас похоже больше на компьютерную игру.

Доминирующая двухпартийная структура власти в Вашингтоне должна поддерживать миф о могущественном сильном Российском враге, чтобы сохранить оборонные контракты. Создание и продажа вооружений, а также индустрия развлечений - главные внутренние источники дохода и занятости в Америке. Так много ее промышленности и рабочих мест ушло в развивающиеся страны. Социальные проблемы нарастают.

Вряд ли она станет намного лучше после Трампа: на короткое время его избрание, казалось, представляло новую надежду на потепление отношений с Россией. Теперь Трамп находится в ловушке новых холодных воинов Америки.

Я вижу это как долгосрочный путь: проявления терпения и любезности, и надежды, что мы все найдем понимание.

У меня нет избирательного голоса в вашей стране, но я желаю Владимиру Путину и Сергею Лаврову продолжения политических карьер: миру нужна их мудрость и умеренность.

Надеюсь, что в конечном итоге президент США Трамп или его преемник увидят необходимость в реальном потеплении отношений с Россией, которую Джордж Буш и Барак Обама, оказавшиеся в ловушке своих иллюзий об американской исключительности, не заметили; И что Трамп или его преемник будет достаточно влиятельным внутри страны, чтобы убедить страну в необходимости потепления отношений. В настоящее время Трамп явно не может этого сделать. Возможно, когда нынешняя истерия вокруг якобы вмешательства России в президентские выборы в США утихнет, Трамп сможет вернуться к некоторым из своих первоначальных позитивных намерений.

Между тем, мне кажется, Россия находится на правильном политическом пути. Но Россия не должна наивно доверять великодушию или дружбе Запада. Россия должна продолжать развивать свои собственные мощные ассоциации и союзы, в Евразии и за ее пределами. Россия должна разумно использовать свои экономические ресурсы, чтобы сохранить свои ядерные и неядерные сдерживающие силы в хорошем рабочем состоянии. Россия должна продолжать защищать свою национальную самобытность и ценности, в тоже время защищая себя от экстремистских националистических сил или идей внутри России.

Я говорю это как лояльный Австралиец. Я хочу, чтобы мои дети выросли на мирной планете, где наши самые большие общие проблемы будут связаны с последствиями глобального изменения климата. Я не хочу, чтобы мы были втянуты в любую ненужную напряженность или войну между могущественными ядерными государствами, из-за некомпетентности и провокаций ненадежных союзников.

Я хочу, чтобы Австралия и Россия продолжали расти с течением времени, как уважающие себя, независимые , многокультурные суверенные нации; и что они станут крепкими друзьями.

Я надеюсь, что я смогу дожить до этого.

Спасибо, Друзья!